

Трагическое в эмансипации женщины

Эмма Гольдман

1911

Начну с признания: несмотря на все политические и экономические теории, занимающиеся основными принципами различия между группами людей, несмотря на все неестественные разграничения между правами мужчин и правами женщин, я убеждена, что есть пункт, в котором все эти различия не находятся более в противоречии друг к другу и сливаются воедино.

Это не означает, что я предлагаю заключить перемирие. Общие социальные противоречия, проявляющиеся сегодня повсеместно и вызванные противоречивыми и враждебными интересами, откроют свою абсурдность в тот момент, когда новый порядок нашей общественной жизни, который основывается на экономической справедливости, станет реальностью.

Мир и гармония между полами и людьми зависит не только от формального правового уравнивания людей и не предполагает стирания всех индивидуальных черт и признаков. Проблема, что встаёт перед нами и срочно требует своего решения, заключается в том, чтоб жить по собственным потребностям и одновременно не упускать из виду потребностей других, мочь интересоваться другими людьми и всё же сохранять свою личность. Это для меня – основа, на которой могут встретиться массы и личность, настоящий демократ и настоящий человек, мужчина и женщина без вражды и оппозиции. Лозунг должен звучать: не «прощайте друг другу», но «пытайтесь понять друг друга». Часто цитируемая сентенция мадам де Сталь «понимать всё – означает прощать всё» никогда мне особенно не нравилась, в этом есть что-то религиозное, простить кому-либо, содержит частичку Безошибочности. Понять кого-либо – достаточно. Моё признание является отчасти выражением моей оценки женской эмансипации и её воздействия на отношения полов.

Эмансипация должна была дать женщине возможность быть человеком в самом правдивом смысле. Все ее силы, требующие действия и признания, должны были найти выражение; все неестественные препятствия – убраны, и путь к большей свободе должен был быть очищен от следов векового угнетения и рабства.

Это было изначальной целью женского движения. Но то, что было с тех пор достигнуто, изолировало женщину и отняло у неё источник радости, который для неё так важен.

Исключительно формальная сегодняшняя эмансипация сделала из женщины неестественное существо, напоминающее продукты французского садоводства с его витиеватыми деревьями и кустами, пирамидами, колёсами и венками; этим выражается всё что угодно, но не внутренние качества и способности. Таких неестественных женских существ существует целое множество, особенно в интеллектуальных кругах.

Свободы и равенства женщине! Что за надежды и ожидания были разбужены этими словами, когда они были произнесены в первый раз некоторыми величайшими и смелейшими умами того времени. Новое, пылающее и светящее солнце, казалось, восходит над миром; в этом мире женщина была свободна взять свою судьбу в собственные руки – цель, вполне достойная великого воодушевления, смелости, выносливости и упорного труда многих мужчин и женщин, которые всё пустили в ход против мира предрассудков и непонимания.

И мои надежды ориентируются на эту цель, однако я полагаю, что женская эмансипация, как она сегодня интерпретируется и практикуется, не может туда привести. Сегодня для женщины стало необходимо эмансипироваться от эмансипации, если она хочет быть свободной. Это, может, и звучит парадоксально, но является, однако, правдой.

Чего она (женщина) достигла через эмансипацию? В некоторых государствах — равенства выборных прав. Избавило ли это нашу политическую жизнь от грязи, как некоторые благонастроенные заступники это предсказывали? Уж точно нет. В действительности, давно уже пора людям с ясным и здоровым рассудком прекратить говорить о коррупции в политике менторским тоном. Коррупция в политике не имеет ничего общего с понятиями о морали или разболтанной моралью политиков. Она покоится на исключительно материалистских явлениях. Политика – это отражение экономики и индустрии с её лозунгами: «покупай подешевле, продавай подороже», «брать лучше, чем давать» и «рука руку моет». Нет надежды, что женщина – несмотря на выборное право – освободит политику от грязи.

Эмансипация принесла женщине экономическое равенство, то есть она может выбирать себе профессию и ремесло; но поскольку она физически не всегда в состоянии состязаться с мужчиной, она должна применять все свои силы, расходовать свою жизненную энергию и напрягать свои нервы до предела, чтобы достигнуть «рыночной стоимости». И только часть успешна, так как известно, что учительницам, женщинам-адвокатам, врачам, инженерам не доверяют так, как их коллегам-мужчинам, да и платят им неодинаково. А те, кто действительно достигает манящего равенства, достигают его большей частью за счёт физического и психического здоровья. Сколько независимости достигнуто, если массы работающих женщин и девушек меняют отупение и недостаток свободы дома на отупение и недостаток свободы на фабрике, на предприятиях эксплуатации, в магазине и бюро? К этому ещё и бремя многих женщин, которые после тяжёлого рабочего дня должны заботиться о доме и очаге – холодно, недружелюбно, неприбрано, безутешно! Что за чудесная независимость! Нечего удивляться, когда так много молодых девушек, которые сыты по горло своей «независимостью» за прилавком, швейной или печатной машинкой, используют каждую возможность выйти замуж. Они точно так же хотят замуж, как и девушки средних классов, которые, собственно, хотят ускользнуть из-под родительской опеки. Так называемая независимость, ведущая только к минимальному

заработку – не так маняща и идеальна, что можно было бы ожидать, что женщина пойдёт ради неё на всё. Наша хваленая независимость является, в конце концов, только процессом постоянного изнасилования естественных качеств женщины, её желания любви и материнского чувства.

Тем не менее, положение женщин-работниц намного естественнее и человечнее, чем у их, казалось бы, более счастливых сестёр в профессиях, предполагающих более высокую степень образования – учительниц, женщин-врачей, адвокатов, инженеров и т.д., которые должны производить корректное и достойное впечатление, в то время как их чувственность охладевает и остывает.

Твердолобость сегодняшнего понимания эмансипации женщины; страх перед любовью к мужчине, стоящему общественно ниже, чем она; страх, что любовь отнимет у неё свободу и независимость; ужас, что любовь или материнство помешают ей заниматься профессиональной деятельностью – всё это имеет такое воздействие, что эмансипированная женщина неизбежно становится старой девой, мимо которой проходит жизнь с её взлётами и падениями, не задевая и совсем не захватывая её внутреннего мира.

Эмансипация, как она понимается большинством её последовательниц и представительниц, слишком узко схвачена, чтобы оставить место безграничной любви и нежности, которые так глубоко укоренены в мире ощущений настоящей женщины, любовницы и матери.

Трагедия обеспечивающей саму себя или экономически независимой женщины заключается не в чрезмерно большом, а в очень маленьком опыте. Хотя, в отношении знаний о мире и о людях она в лучшем положении, чем её сёстры прошлых поколений; но именно поэтому она ещё сильнее чувствует недостаток того существенного в её жизни, что единственно может обогатить дух человека и без чего большинство женщин стали автоматами своих профессий.

Что к этому все придет, было предсказано ещё давно теми, кто понимал, что в области этики было множество реликтов из времён, когда безраздельно правил мужчина; остатки, которые всё ещё считаются употребительными. И, что важнее, многие эмансипированные женщины совсем не могут без них обойтись. В каждом движении, которое намеревается уничтожить существующие институты и заменить их более прогрессивными и совершенными, есть деятели, которые теоретически выступают за радикальные идеи, в повседневной же жизни точно так же мелкобуржуазны, как и прочие, делают приличный вид и хотят быть уважаемы своими врагами. Есть, к примеру, социалисты или анархисты, громко прокламирующие, что собственность — это кража, и одновременно возмущающиеся тем, что кто-то должен им, может быть, дюжину булавок.

Такие же мещане есть и в женском движении. Жёлтая пресса и дурные писатели так представили эмансипированную женщину, что у простого смертного и его сограждан волосы дыбом встают. Каждая правозащитница была представлена наподобие Жорж Санд – так, как будто она абсолютно аморальна. Ничто для неё не свято. Она не выказывала никакого почтения перед идеальными отношениями между мужчиной и женщиной. Короче, эмансипация стала синонимом легкомысленной жизни, полной порока и греха, без оглядки на общество, религию и мораль. Правозащитницы показали себя весьма возмущёнными такими интерпретациями и –

к сожалению им не хватало юмора –приложили все усилия, чтоб доказать, что они вовсе не так плохи, как их малюют, как раз наоборот. Конечно, женщина не могла быть хорошей и чистой, пока она была рабой мужчины, теперь же, когда она стала свободной и независимой, она могла бы доказать, какой хорошей она может быть и что её влияние имеет освобождающее воздействие на все общественные институты. Женское движение, конечно, порвало многие старые путы, однако, одновременно помогло создать новые. Великое, правдивое женское движение нашло очень немногих последовательниц, которые могли смотреть в лицо свободе без страха. Их твердолобая и пуританская оценка движения изгнала мужчину, как нарушителя спокойствия и неоднозначную фигуру, из их чувственной жизни. Мужчину не в коем случае не терпели, разве что как отца ребёнка, поскольку дети едва ли рождаются без отцов. К счастью, и строгие пуритане никогда не будут в силах убить врождённый материнский инстинкт. Но свобода женщины тесно связана со свободой мужчины, и многие из моих так называемых эмансипированных сестёр, кажется, не замечают, что рождённый в свободе ребёнок требует любви и заботы все окружающих его людей, были бы они мужского или женского полу. К сожалению, из-за этой твердолобой оценки человеческих отношений жизнь мужчин и женщин сегодня, зачастую, так безутешна. Примерно пятнадцать лет назад вышел труд замечательной норвежки Лауры Мархольм «Женщина. Исследование характера» (Woman. A character study). Она была одной из первых, кто обратил внимание на пустоту и твердолобость тогдашних представлений о женской эмансипации и их безрадостное влияние на внутреннюю жизнь женщины. В своём труде Лаура Мархольм рассказывает истории нескольких одарённых женщин с международной славой: выдающаяся Элеонора Дузе; велико-лепный математик и писательница Софья Ковалевская; художница и поэтесса Мария Башкирцева, которая умерла такой молодой. В каждой биографии этих выдающихся женщин вьется красной нитью их неутолённое стремление к полной, гармоничной и прекрасной жизни и их беспокойство и одиночество, из-за того, что в этом им было отказано. Из этих замечательных психологических портретов, разумеется, можно сделать вывод, что чем женщина умнее, тем труднее ей найти подходящего партнёра, который видел бы в ней не только сексуальность, но и личность, которая не могла бы или не должна была бы отказаться хотя бы от одной черты своего характера.

Среднестатистический мужчина, с его самоуверенностью и смехотворным чувством превосходства над женским полом, является для женщины, как она представлена в исследовании характеров Лауры Мархольм, невозможным партнёром. Так же невозможен для неё мужчина, который видит только её душу и интеллект, но не может обратиться к ней как к женщине.

Интеллект и непреклонный характер, обычно рассматриваются как признаки сильной и великой личности. Для сегодняшней женщины эти признаки представляют помеху её полного признания. Более ста лет традиционный брак, защищённый Библией, «пока смерть не разлучит вас», рассматривался как институт, равноценный власти мужчины над женщиной, с её полной беззащитностью перед его настроениями и приказами и абсолютной зависимостью от его имени и поддержки. Было показано, что в традиционном браке женщина в своих функциях была ограничена в роли служанки и матери детей для мужчины. И, тем не менее, есть множество эмансипированных женщин, предпочитающих брак со всеми его недостатками огра-

ниченности одинокой жизни: узкой и невыносимой, так как моральные и общественные предрассудки удерживают её от полного раскрытия личности.

Объяснением такого непоследовательного поведения многих прогрессивных женщин служит факт, что они не правильно поняли значение эмансипации. Они думали, что единственно нужным является освобождение от внешних уз; внутренние узы, слишком вредно влияющие на их жизнь и развитие – этические и общественные соглашения – были оставлены без внимания и сделали своё дело. Они кажутся такими же укоренёнными в головах и сердцах наших самых активных правозащитниц, как ещё в головах и сердцах наших бабок.

Эти внутренние узы, имеют ли они форму общественного мнения или вопроса «что скажет об этом мама» или брат, отец, тётка или какой-нибудь другой родственник; что скажет об этом мистер Гунди, мистер Коумсток, работодатель, министерство воспитания? Все эти выскочки, детективы морали, тюремные надсмотрщики человеческой души, что скажут они об этом? Пока женщина не научилась сопротивляться им, твёрдо стоять на своих ногах и настаивать на своей неограниченной свободе, слушать свой внутренний голос, идёт ли речь о величайшей сладости в жизни, любви к мужчине, или о её величайшей привилегии, возможности подарить жизнь ребёнку, она в действительности не эмансипирована. Сколько эмансипированных женщин смелы настолько, чтобы признать, что в них звучит голос любви, бешено стучится в груди и требует быть услышанным и удовлетворённым? Французский писатель Жан Рейбрах пытается в одном из своих романов, «Новая красота», показать идеальную, прекрасную, эмансипированную женщину. Этот идеал воплощён молодой девушкой-врачом. Она говорит очень мудро и умно о том, как кормить детей; она очень добра и раздаёт бедным матерям медикаменты бесплатно. Она разговаривает с одним знакомым молодым человеком о гигиенических условиях будущего и о том, что различные бактерии и микробы должны быть уничтожены через строительство каменных полов и стен и упразднение ковров и гардин. Само собой, что она очень элегантно и практично одета, часто – в чёрное. Молодой человек, который был при первой встрече сильно впечатлён мудростью эмансипированной женщины, постепенно начинает её понимать и однажды понимает, что любит её. Поскольку оба молодые, она – добра и красива, хотя она всё время очень строго одета, впечатление смягчается белоснежным воротничком и манжетами. Можно ожидать, что он признается ей в любви, но он считает это слишком романтичным. Поэзия и любовное помешательство прячутся, краснея, перед чистотой девушки. Он подавляет свой внутренний голос и остаётся корректным. Она также всегда ведёт себя корректно, рационально и благовоспитанно. Я почти уверена, если бы эти двое поженились, молодой человек дал бы всему «замёрзнуть». И я вынуждена признаться, что не могу найти в этой картине новой красоты ничего красивого, так как девушка так же холодна, как и каменные пол со стенами в её мечтах. Тут мне приятней романтические песни, Дон Жуан и Венера, ночное похищение при лунном свете с верёвками и лестницами, сопровождаемое проклятием отца, слёзами матери и пересудами соседок, чем корректность и железные формы приличия. Если любящие не в состоянии брать и давать без ограничений, речь идёт не о любви, а о заключении контракта, при котором постоянно взвешиваются плюсы и минусы.

Огромное ограничение испытывает эмансипация в неестественной неподвижности и твердолобых правилах приличия, которые вызывают в женской душе пустоту, запрещающую ей пить из источника жизни. Я уже отмечала выше, что между старомодной матерью и домохозяйкой, которая всегда готова заботиться о счастье своих детей и благе своих домашних, и действительно эмансипированной женщиной состоит более глубокое родство, чем между последней и её якобы эмансипированными сёстрами. Ученицы эмансипации объявили меня просто язычницей, по которой костёр плачет. Их слепое усердие не даёт им увидеть, что моё сравнение между старым и новым служит только доказательству того, что многие наши бабки имели больше крови в венах и были куда веселей, и, наверняка, куда естественней, чем многие из наших эмансипированных тружениц духа, что населяют университеты, экспериментальные помещения и бюро. Что не означает, что я хочу вернуться в прошлое или загнать женщину обратно в её старый мир, на кухню и к заботе о детях.

Решение лежит в движении вперёд к более прекрасному и ясному будущему. Мы должны обязательно вырасти из старых традиций и привычек. Женское движение сделало как раз маленький шаг в этом направлении. Остаётся надеяться, что оно найдёт силу стремиться дальше. Право голоса или равные гражданские права – достойные требования, но действительная эмансипация начинается не у выборной урны и не в суде. Она начинается в сердце женщины. История учит нас, что каждый угнетённый класс достигал освобождения от своих господ только собственными усилиями. Необходимо, чтобы женщина с этим согласилась, чтобы она поняла, что её свобода будет достигать таких же пределов, как и её сила для достижения этой свободы. Поэтому ещё важнее освободиться от груза предрассудков, традиций и привычек. Требование равных прав – справедливо и честно; в конце концов, важнейшее право – право любить и быть любимой. Если частичная эмансипация действительно должна стать полноценной и чистой эмансипацией, нужно отбросить смехотворные представления о том, что быть любимой, быть любовницей и матерью – равнозначно бытию рабы и подчинённой. Нужно отбросить абсурдные представления о дуализме полов или о том, что мужчина и женщина – представители двух враждующих лагерей.

Мелочность разделяет, великодушие объединяет. Давайте быть великими и великодушными. Давайте за всем тривиальным не терять из вида важного. В настоящих отношениях между мужчиной и женщиной не будет побеждённых и победителей, а только одно: всё время отдавать, чтобы стать ещё богаче, мочь глубже ощущать и становиться лучше. Только это может заполнить пустоту, может заменить трагичное в эмансипации женщины на счастье, безграничное счастье.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Эмма Гольдман
Трагическое в эмансипации женщины
1911

E.Goldman, Anarchism and the other Essays, New York 1911

ru.theanarchistlibrary.org